

Трансатлантические отношения: преемственность или обновление?*

Олег Приходько

Победа Б.Обамы на президентских выборах подтолкнула американских комментаторов к проведению исторических параллелей между ним и Ф.-Д.Рузвельтом. Действительно, нынешнего главу Белого дома сближает с 32-м президентом необходимость ответа на вызовы, которые ставит перед США глубочайший финансово-экономический кризис и участие сразу в двух войнах (Афганистан и Ирак).

Как отмечает обозреватель еженедельника "Тайм" М.Гранвальд, "плохие новости, которые ожидают вновь избранного президента Барака Обаму, едва ли можно считать собственными новостями. Экономике капут, как и репутации Америки в мире"¹.

Сам факт выдвижения американской политической элитой такой фигуры как Б.Обама на пост президента является отражением глубокого кризиса политических ценностей США.

Крах консерватизма и формирование новой внешнеполитической идеологии

Пестрота общественно-политических сил Европы, которые приветствовали победу Б.Обамы, выглядит не столь удивительной, если учесть, что новый президент США заметно опередил

своего соперника консерватора Дж.Маккейна, хотя согласно социологическим опросам большинство американцев по-прежнему идентифицируют себя в качестве консерваторов, а не либералов.

ПРИХОДЬКО Олег Владимирович – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра международных исследований ИСКРАН.

Ключевые слова: Б.Обама, Х.Клинтон, внешняя политика США, европейские союзники, НАТО, ЕС.

* Работа выполнена в рамках научно-исследовательского проекта "Невоенные инструменты внешней политики в полицентрическом мире" по гранту Российского гуманитарного научного фонда № 09-03-00804.

Объяснение этому парадоксу дают происходящие в американском обществе процессы, которые привели к тому, что будущую часть населения перестал устраивать традиционный порядок, основанный на догмах консерватизма. Это облегчает для Б.Обамы формирование нового политического консенсуса в стране.

Американские социологи заговорили о появлении нового слоя избирателей – “консерваторов-государственников”. Это те люди, которые причисляют себя к консерваторам по своим культурным воззрениям (они, как правило, занимают “ястребину” позицию по внешнеполитическим вопросам), но выступают не за стихийную свободу рынка, а за его управляемость, и поддерживают государственное регулирование экономики и госфинансирование.

Наступивший крах консерватизма политолог П.Бейнарт из Нью-Йоркского Совета по международным отношениям объясняет тем, что стремление к неограниченной экономической свободе, проповедуемой сторонниками этой идеологии, стало ассоциироваться средним американцем с финансово-экономическими потрясениями, которые постигли страну.

По его мнению, избрание Б.Обамы предвещает возрождение либерализма в США, поскольку новый хозяин Белого дома опирается на столь же сплоченную коалицию большинства, какая была в XX в. только у Ф.Рузвельта и Р.Рейгана².

Однако победа Б.Обамы на выборах не означает возвращения к либерализму 60-х годов, поскольку вызовы, с которыми сталкиваются сейчас США, лежат в иной плоскости, чем традиционный раскол между правыми и левыми во взглядах на роль и степень вмешательства государства в экономику и социальную жизнь.

В одном из предвыборных выступлений в начале 2008 г. Б.Обама отзывался о президенте Р.Рейгане как о ли-

дере-преобразователе. Подобную характеристику уже к самому Б.Обаме применил бывший госсекретарь США К.Пауэлл.

По мнению известного историка Р.Смита, к данной категории лидеров относятся те, кто разрушил существовавший к моменту их прихода во власть политический консенсус, заменяя его новым консенсусом “собственного производства”, влияние которого сохраняется в течение долгого времени.

Американские обозреватели отмечают, что избрание Б.Обамы подвело черту под “эпохой Рейгана”, когда на протяжении последних трех десятилетий доминировал консерватизм. По мнению известного американского политолога Ф.Закариа, президент Б.Обама получил шанс предложить новую руководящую идеологию для Запада.

Упомянутый П.Бейнарт считает, что наибольшую потенциальную угрозу для сохранения коалиции большинства, сформировавшейся вокруг Б.Обамы, представляют не внешнеполитические вопросы, а национализм.

Либералы с высоким образовательным уровнем ратуют за то, чтобы американская экономика, общество и ценности более тесно интегрировались с остальным миром по широкому кругу вопросов (глобальное потепление, иммиграция, международная торговля, правила обращения с пленными террористами и т.д.). Они выступают за то, чтобы Америка в большей мере руководствовалась международными правилами в том, что касается ограничения вредных выбросов в атмосферу и ведения борьбы с террористами. По их мнению, уступка части суверенитета необходима, чтобы сделать США более преуспевающей и безопасной страной.

Однако демократы, стоящие ниже их по социальной лестнице, не разделя-

ют подобного оптимизма в отношении проблем свободной торговли, иммиграции и многостороннего сотрудничества с другими государствами.

Как отмечает П.Бейнарт, “в будущем былое противоборство между свободой и порядком может проявиться в глобальном масштабе, если либералы-интернационалисты попытаются установить новые правила для все более взаимозависимого мира, а националисты из рядов рабочего класса выступят против того, чтобы зарубежные бюрократы ставили под угрозу свободу Америки”².

Стремясь завоевать поддержку избирателей из производственных отраслей экономики, Б.Обама выражал сомнение в необходимости сохранения в неизменном виде режима свободной торговли перед лицом нарастающего кризиса.

Подобные высказывания вызвали тревогу в Европе, где опасаются американских мер протекционизма, которые могут подорвать европейский экспорт в США.

Американский президент обещал пересмотреть договор НАФТА с Канадой и Мексикой. Он выступил против

подписания соглашений о свободной торговле с другими союзниками, в частности с Южной Кореей и Колумбией.

Американские политологи либерального направления считают, что внешнеполитическая повестка дня нового президента могла бы предусматривать возрождение Договора по ПРО и других соглашений по контролю над вооружениями, расторгнутых Дж.Бушем, восстановление хотя бы минимального уровня дипотношений с “государствами-изгоями”, отмежевание от концепции “насилственной демократизации” Ближнего Востока и даже отмену торгового эмбарго в отношении Кубы.

По их мнению, это позволило бы Б.Обаме рассчитывать на встречные шаги европейцев в важных вопросах, таких как направление дополнительных войск в Афганистан, усиление давления на Иран и Северную Корею, чтобы заставить их свернуть ядерные программы, “ограничение силовой политики России” на постсоветском пространстве, объединение усилий в борьбе с геноцидом и глобальным потеплением, расширение рынков для американского экспорта.

Внешиполитическая стратегия администрации Б.Обамы: “новый курс” или корректировка тактики?

По итогам выборов 2008 г. к власти в США пришла группировка политической элиты со своими представлениями о том, что нужно делать для восстановления глобального американского лидерства.

Демократы признают, что моральные основания для претензий США на роль лидера были подорваны иракской войной, которая явилась стратегическим просчетом. Эта война, ставшая апофеозом политики односторонности, привела к деградации внешнеполитического имиджа США и падению невольного влияния страны в мире.

Президент Б.Обама обещал нации восстановить положение страны в статусе мирового лидера, признаваемого международным сообществом. Он начинает президентство, располагая достаточным кредитом доверия, чтобы не опасаться обвинений в слабости, пересматривая решения предыдущей администрации, которые вызвали наибольшую критику за рубежом.

Б.Обама исходит из того, что для возвращения лидерства, США должны предложить ответственную политику сотрудничества с другими державами. Первыми его шагами стало:

– решение о закрытии в течение года тюрьмы в Гуантанамо;

– формулирование новой стратегии по Афганистану, включающей в себя широкий международно-дипломатический компонент;

– разработка плана поэтапного вывода американских войск из Ирака.

Администрация Б.Обамы подвергла критике республиканцев за разбалансировку американской внешней политики, которая выразилась в принижении роли дипломатии и контроля над вооружениями, явном перекосе в сторону “жесткой” (военной) силы, ставке на односторонность и чрезмерном влиянии министерства обороны на принятие внешнеполитических решений.

В президентство Дж.Буша военные расходы США превысили 600 млрд. долл., тогда как бюджет Госдепа составил всего лишь 36 млрд. долл.

Подобный крен видимо был неизбежен после того, как США оказались вовлеченными сразу в две войны, которые они развязали в ответ на террористическое нападение 11 сентября 2001 г.

Однако сами эти войны были обусловлены во многом спецификой мировоззрения правившей в “эпоху Буша” неоконсервативной группировки, которая искала ответ на угрозу международного терроризма, главным образом, в категориях военной силы, взяв на вооружение концепцию “превентивной обороны”.

При республиканцах “жесткая сила” была основным инструментом политики США в международных делах – это была в своей основе силовая политика.

Новая администрация намерена восстановить баланс между различными компонентами совокупной американской силы, который был нарушен в пользу военной составляющей. Демон-

страты намерены реабилитировать роль дипломатии в обеспечении национальной безопасности, возрождению и укреплении глобального лидерства США.

Установление необходимых пропорций в использовании различных инструментов для достижения целей американской внешней политики предусматривает концепция “умной силы”, о которой Х.Клинтон говорила в своем программном выступлении в сенатском комитете по международным делам при утверждении ее кандидатуры на пост госсекретаря.

Над этой концепцией более года работала двухпартийная комиссия известных американских отставных политиков и экспертов, собранная под эгидой Центра стратегических и международных исследований (Вашингтон).

Один из наиболее авторитетных американских политических теоретиков Дж.Най, выступивший в качестве сопредседателя проекта, определяет “умную силу” как *разумное сочетание “жесткой” и “мягкой силы”*.

Новая администрация США считает контроль над вооружениями незаменимым инструментом обеспечения национальной безопасности, а участие в международных соглашениях – важным средством в отстаивании американских интересов. В этом ее фундаментальное отличие от “команды Буша”.

Администрация Б.Обамы с первых шагов демонстрирует намерение вернуться на путь многосторонней дипломатии и придерживаться нового стиля в международных отношениях – взаимодействовать, вести диалог и выслушивать мнение других. Она обещает, что Вашингтон будет сотрудничать с другими государствами в борьбе с транснациональными угрозами и вызовами, а это предполагает не только консультации с союзниками и партне-

рами, но и возложение на них большего бремени.

Однако еще преждевременно утверждать, что команда Б.Обамы непременно привнесет принципиально иное содержание в американскую внешнюю политику, несмотря на декларируемое желание найти точки соприкосновения с другими членами международного сообщества.

Даже если нынешний американский президент является искренним интернационалистом, он будет придерживаться многостороннего подхода в международных делах исключительно по прагматическим соображениям.

М.Заборовски из Института ЕС по изучению проблем безопасности считает, что хотя Б.Обама более склонен к сотрудничеству с союзниками, чем его предшественник, "он едва ли станет поддерживать соглашения, такие как Киотский протокол, которые воспринимаются как несправедливые и наносящие ущерб американским интересам"³.

"Доктрину Буша" отличала непоколебимая вера в то, что американское военное превосходство является ключом к решению многих проблем в отношениях с другими государствами. Республиканцы-неоконсерваторы убеждены, что многие международные соглашения накладывают неоправданные ограничения на суверенитет США.

Предыдущая администрация отрицала существование общемировых (вненациональных) интересов и ставила под сомнение само понятие "международное сообщество". По ее мнению, апеллирование к этому понятию якобы ведет к подмене национальных интересов некими "мифическими" интересами. Она отдавала предпочтение односторонней политике, демонстрируя невосприимчивость к мнению других государств.

Многие фигуры из окружения Дж.Буша являются ортодоксальными

приверженцами учения Дж.Локка, согласно которому обязанность правителей и представителей народов состоит не в том, чтобы приносить пользу всему человечеству, а в том, чтобы служить на благо конкретного общества, которым они управляют.

Тогдашний госсекретарь К.Райс подчеркивала, что "внешняя политика США должна опираться на твердую почву национального интереса, а не на интересы призрачного международного сообщества"⁴.

Иные рекомендации дают нынешней администрации разработчики концепции "умной силы", указывая на заметное падение американского влияния в мире.

Эту тенденцию отражают и опросы общественного мнения, которые фиксируют серьезное снижение привлекательности США в Европе, Латинской Америке и особенно в мусульманском мире.

Дж.Най полагает, что Америка может стать "умной силой", если "снова будет направлять ресурсы на общественные блага всего мира": социально-экономическое развитие, общественное здравоохранение, решение проблемы изменения климата и т.д.⁵.

Хотя Вашингтон вновь стал признавать ценность многостороннего сотрудничества, далеко неясно, сколь радикально новый подход будет отличаться от того, что было при Дж.Буше. Нынешний президент США не подвергает сомнению постулат своего предшественника о том, что США должны следовать принципу самодостаточности в области обороны. Он дал ясно понять, что не поставит внешнюю политику страны в зависимость от международных инстанций и будет действовать в одностороннем порядке, если этого потребуют национальные интересы.

Ставка новой администрации на прагматизм и отказ от заскоруждой идеологии неоконсерваторов, чей чер-

но-белый взгляд на мир доминировал в окружении Дж.Буша, сулит обновление американских подходов.

Однако **коррекции подвергнутся скорее методы достижения целей, чем фундаментальные стратегические установки**, которых США последовательно придерживаются после холодной войны, оказавшись в роли единственной сверхдержавы.

О преемственности свидетельствует как обещание Б.Обамы восстановить традицию двухпартийного консенсуса во внешней политике, которая была

нарушена в президентство Дж.Буша, так и признание того, что Вашингтон не исключает применение силы для нейтрализации угроз национальной безопасности, в частности, со стороны Ирана. Не отказывается новая администрация и от продвижения демократии в мире, пусть и не с помощью “жесткой силы”, а путем оказания помощи умеренным силам, на которые будет делаться основная ставка, и с учетом местной специфики, которая может не соответствовать классическим западным образцам.

Смена власти в Вашингтоне и ожидания Европы

Стремление наметить основные пункты взаимодействия с новой американской администрацией Европа проявила еще до президентских выборов в США.

За день до этого события (3 ноября) в Марселе прошла неформальная встреча министров иностранных дел 27 стран ЕС с участием Х.Соланы и Б.Ферреро-Вальднер, на котором обсуждались планы выстраивания отношений с США в “эпоху после Буша”. Председательствовавший на встрече министр иностранных дел Франции Б.Кушнер подчеркнул необходимость открыть новую главу в трансатлантических отношениях с новой администрацией США, тогда как многих восточноевропейских членов ЕС устраивала и та политика, которая проводилась при Дж.Буше.

Общий консенсус свелся к призыву укреплять трансатлантическое партнерство перед лицом глобальных вызовов. Для этого, по мнению европейцев, необходимы более равные и сбалансированные отношения между Европой и Америкой, интенсификация политического диалога с США и большой вклад Старого Света в урегулирование региональных кризисов.

На встрече в Марселе Европейский союз обозначил следующие приоритеты, которые он хотел бы видеть в отношениях с новой американской администрацией:

- совместная работа по укреплению эффективности многосторонних институтов при урегулировании кризисов и выравнивание дисбалансов в мире за счет тесного взаимодействия с ведущими державами зоны формирующейся рыночной экономики;

- стимулирование позитивных перемен на Ближнем Востоке – в мирном урегулировании между Палестиной и Израилем, в Ираке, а также в отношениях с Сирией, Ливаном и Ираном;

- продвижение мира и реконструкция в Афганистане;

- “– отношения с Россией и ценность согласованного подхода, основанного на диалоге и уважении международных правил”⁶.

Европейский союз считал важным сформулировать общую позицию по приоритетным направлениям работы с новой администрацией США, поскольку противоречия среди 27 европейских стран по вопросам внешней политики остаются одним из наиболее уязвимых его мест.

На президентских выборах 2008 г. Б.Обама являлся кандидатом в президенты США, который получил поддержку почти всей Европы.

Эта поддержка объединяла широкий спектр разнородных политических сил – от левого крыла до консерваторов. Б.Обама пользовался симпатией даже таких сегментов европейской политической элиты, как тори в Великобритании, для которых его соперник Дж.Маккейн, казалось бы, должен быть ближе по своим политическим взглядам. Еще больше эта поддержка возросла после того, как Дж.Маккейн выбрал губернатора Аляски С.Пэлин кандидатом в вице-президенты США (позднее республиканцы признали неудачным это решение).

Европа видела в Дж.Маккейне типичный пример “американца с Марса” (пользуясь известным сравнением американского политолога Р.Кейгана), для которого не существует ни одной геополитической проблемы, не поддающейся решению с помощью военной силы. Избрание кандидата от Республиканской партии сулило еще более “ястребиную” внешнюю политику, чем та, что проводилась во второй срок президентства Дж.Буша. Европейцев не привлекал даже несопоставимо больший опыт Дж.Маккейна в европейских делах по сравнению с его оппонентом.

Победу республиканского кандидата желал лишь узкий круг европейских политиков, прежде всего те, кто рассматривал его как лидера, который будет решительно противодействовать укреплению России.

Большая популярность новоизбранного президента США в Европе объясняется и тем, что он воспринимается многими как либерал с левыми взглядами, чему видимо способствовала и критика его противников, которые обвиняли Б.Обаму в “финансовом социализме”, когда он представлял свою

программу по выводу страны из кризиса осенью 2008 г. Однако по европейским стандартам он является прагматичным политиком, а его внешнеполитическая программа – чрезмерно напористой.

Сразу после того, как стали известны результаты президентских выборов США, европейцы предприняли активные усилия по наведению мостов с новой американской администрацией.

Уже через неделю после избрания Б.Обамы Вашингтон с визитом посетил глава французской дипломатии Б.Кушнер, который обсуждал с советниками новоизбранного президента основные пункты новой повестки дня отношений США и Евросоюза.

Вскоре через германскую прессу к новому главе Белого дома с предложениями строить новую политику обратились сначала министр иностранных дел Германии В.-М.Штайнмайер, а позднее канцлер А.Меркель и французский президент Н.Саркози.

Претендуя на большую ответственность за состояние дел в мире, ЕС рассчитывает получить и больше прав в решении “судьбоносных” международных проблем. Однако далеко не все западные эксперты уверены в том, что Европа не отступит от заявленных амбиций, когда столкнется с необходимостью принимать трудные решения и непопулярные меры.

Захлестнувшие Старый Свет симпатии к Б.Обаме мешают европейцам разобрататься в политической идеологии нового президента США, которая таит в себе значительный потенциал разногласий с Европой.

В ходе предвыборной кампании Б.Обама недвусмысленно заявил, что Америка никогда не будет принимать указания из ООН. Это заявление расходится с ожиданиями Европы, которая, наоборот, ратует за расширение многосторонности в принятии реше-

ний по управлению миропорядком. Европейцы не скрывают своих надежд на

возвращение США к практике широкого международного сотрудничества.

Европа во внешнеполитической повестке новой администрации США

Во время предвыборной кампании нынешний американский лидер посылал Европе сигналы, что его трансатлантическая политика будет разительно отличаться от той, что была при Дж.Буше, когда Вашингтон открыто пренебрегал мнением европейских союзников.

Однако победа Б.Обамы на выборах 2008 г. не привела к изменению основного вектора американской внешней политики, который, как и при его предшественнике, направлен не на Европу.

Символично, что свое первое зарубежное турне в качестве главы американской дипломатии Х.Клинтон совершила в Азию, а не в Старый Свет.

Вместе с тем, заметным отличием в подходе нынешней американской администрации является реабилитация ценности постоянных союзов, которая была девальвирована, когда у власти находились республиканцы, предпочитавшие делать ставку на более гибкие “коалиции согласия”.

Теперь Вашингтон вновь заявляет о необходимости укрепления старых союзов и формировании новых альянсов. Оживление трансатлантического партнерства постулируется в качестве одной из главных задач внешней политики США.

В этом сходятся как администрация, так и широкий спектр американских аналитиков, включая и тех, кто симпатизирует республиканцам.

На слушаниях в Конгрессе Х.Клинтон заявила: “Наши традиционно доверительные отношения с Европой будут углубляться. Разногласия неизбежны даже между самыми близкими друзьями, но по боль-

шинству глобальных проблем у нас нет более доверяемых союзников. ... Когда Америка и Европа работают вместе, глобальные цели нам по плечу”⁷.

Однако эту цель легче сформулировать, чем добиться ее практической реализации.

Несмотря на приход новой администрации, внешнеполитические приоритеты США во многом сохраняют свою преемственность с “эпохой Буша”.

С точки зрения интересов национальной безопасности в иерархии этих приоритетов для Вашингтона по-прежнему на первом месте стоит регион “большого Ближнего Востока”, где проходит “центральный фронт борьбы с международным терроризмом” – Афганистан и Пакистан, Ирак с его нестабильной внутренней ситуацией, Иран с его неконтролируемой ядерной программой, и где тлеет неурегулированный палестино-израильский конфликт.

Список приоритетных международных проблем у США и ЕС практически полностью совпадает.

Однако, что касается долгосрочных геополитических приоритетов, Вашингтону более важными представляются отношения с Китаем, тогда как для Брюсселя – проблемы партнерства с Россией.

Новая администрация США выразила готовность вести консультации с союзниками. Правда, она избегает выдавать авансы о том, что они будут непосредственно включены в процесс принятия решений. С европейцами Вашингтон намерен советоваться, чтобы убедить их в правильности предлагаемых решений, создавая у них ощущение причастности к выработке реше-

ний, но последнее слово он оставляет за собой.

Во время своего первого европейского турне на посту госсекретаря в начале марта с.г. Х.Клинтон обещала, что администрация США даст новый старт трансатлантическим отношениям и вдохнет новую жизнь в партнерство Европы и Америки. Она призвала НАТО и ЕС работать более сплоченно, чтобы эффективнее использовать силы и ресурсы, и сосредоточить усилия на выполнении согласованной повестки дня.

На заседании Совета НАТО, которое прошло в Брюсселе на уровне министров иностранных дел, Х.Клинтон всячески стремилась подчеркнуть, что США намерены активно сотрудничать с европейскими союзниками в международных делах, включая осуществление нового плана по Афганистану и нейтрализацию террористов, действующих с территории Пакистана, а также отношения с Россией.

Выступая 6 марта в Европарламенте на встрече с молодыми активистами политических партий, госсекретарь назвала Европу важнейшим партнером США в таких вопросах, как борьба с международным терроризмом и глобальным потеплением климата.

Она стала первым высокопоставленным представителем администрации США, который посетил Европарламент за последнюю четверть века.

Американские политологи расходятся в ответе на вопрос, как США и ЕС следовало бы организовать свое взаимодействие в современных условиях.

У многих из них укоренилось сомнение в том, что основным партнером США в Европе должен выступать Евросоюз. Они полагают, что Вашингтон не может делать ставку на центральные власти ЕС, поскольку это означало бы игнорирование существующих межъевропейских разногласий по ключевым стратегическим проблемам и огромных диспропорций в силе между разными государствами-членами этого союза.

З.Бжезинский констатирует, что "отсутствие политически единой Европы создает реальные сложности любому процессу оживления, восстановления и выдвижение на центральную роль обновленного трансатлантического диалога"⁸.

Поэтому у США не остается иного выбора как сфокусировать усилия на организации интенсивного и содержательного диалога с "большой европейской тройкой": Великобританией, Францией и Германией. Однако жизнеспособность этой политической конструкции возможна лишь при условии, что "тройка" договорится между собой по фундаментальным вопросам и придет к внутреннему консенсусу. З.Бжезинский не видит практической альтернативы неформальному механизму взаимодействия США с этими тремя ведущими европейскими державами, если те придут к согласию между собой по стратегическим целям.

Похожие предложения выдвигались и в президентство Дж.Буша, когда американо-европейские отношения нужно было выводить из кризиса после войны с Ираком. Однако тогдашняя администрация стремилась, в первую очередь, сдерживать внешнеполитические амбиции ЕС, в котором видела больше конкурента, чем партнера, и предпочитала культивировать внутреннюю оппозицию в Старом Свете, стимулируя проамериканские настроения у политических элит Восточной Европы.

З.Бжезинский исходит из того, что Америка и ЕС, на которые приходится более половины мирового ВВП, могли бы составить вместе мощный потенциал влияния на мировые процессы. Он предлагает, чтобы формирование нового трансатлантического партнерства курировал в администрации США непосредственно вице-президент Д.Байден, который имеет большой опыт в европейских делах и хорошо известен в Старом Свете.

Действительно, наиболее ощутимую поддержку американским планам в отношении всего комплекса проблем “большого Ближнего Востока”, включая афганский аспект, могут оказать именно ведущие европейские державы, обладающие наибольшим военным потенциалом и влиянием в регионе. В этом случае у Восточной Европы будут резко ограничены возможности использовать партнерство с США для укрепления своих позиций по отношению к “старой Европе”, чем она активно занималась в президентство Дж.Буша.

Однако остается вопрос, готова ли Европа идти на риски, связанные с большей вовлеченностью в конфликты, ради повышения своего статуса в глазах США?

Перед европейскими союзниками неизбежно встает вопрос: Нужно ли жертвовать жизнями своих солдат ради спасения репутации НАТО, которая подвергается жесткой проверке на афганской земле?

Новая модель отношений США с Европой как по линии ЕС, так и НАТО должна, с точки зрения американских аналитиков, быть направлена на восстановление “чувства единой команды” и предусматривать как совместное принятие решений, так и разделение бремени последствий, которые за ними последуют, а не ограничиваться неформальными, хотя и более частыми консультациями высокого уровня.

Разногласия по Афганистану как раз и объясняются тем, что решение о военном вторжении Вашингтон принимал единолично, а последствия предлагает разделить и на союзников, призывая их увеличить вклад в укрепление группировки натовских войск в этой стране.

Хотя НАТО и ЕС пытаются координировать свои шаги в Афганистане, их усилия далеко не всегда приводят к согласованным действиям.

Существующие трудности обусловлены несовпадением состава этих двух организаций и их разным правовым режимом, что создает проблемы на уровне планирования и оперативного управления. Далеко не все разногласия удастся преодолеть с помощью неформальных договоренностей.

По мнению постоянного представителя Германии в Совете ЗЕС и Комитете по политике и безопасности ЕС К.фон Гетца, сложности согласования между двумя организациями – это не проблемы отношений между США и ЕС.

Однако иной точки зрения придерживается эксперт Берлинского информационного центра по трансатлантической безопасности О.Нассауэр, который считает, что отношения ЕС – НАТО являются фактическим отражением состояния отношений ЕС – США.

В странах ЕС, где сильно влияние европоцентристских подходов, существует опасение, что слишком тесные отношения Евросоюза с НАТО могут привести к усилению американского влияния в вопросах европейской безопасности и подчинению политики ЕС тем задачам, которые формулирует Североатлантический блок, где доминируют США. Сторонники “сильной Европы” (в частности Франция) считают, что вступление в силу Лиссабонского договора позволит странам ЕС лучше отстаивать свою позицию в НАТО.

По мнению О.Нассауэра, если в каких-то регионах мира европейская политика безопасности оказывается работоспособной, то там не требуется американское присутствие.

В обмен на повышение роли дипломатии в своей политике Вашингтон ожидает от союзников переосмысления их собственных подходов и готовности использовать силу, когда другие варианты исчерпаны. Под этот “обмен” подпадают, в первую очередь, афганская и иранская проблемы. США

предлагают проводить всеобъемлющую стратегию урегулирования в Афганистане, за которую союзники несли бы общую ответственность.

Схожие взгляды отражены в документе ЕС “Обеспечение безопасности в меняющемся мире”, который был принят в конце прошлого года.

В нем отмечается, что Афганистан представляет собой источник особого беспокойства с точки зрения интересов безопасности Европы за пределами ее

ближайшего геополитического окружения. Евросоюз подтверждает свое обязательство способствовать установлению стабильности в этой стране.

Помимо афганской проблемы новая администрация США будет стремиться заручиться поддержкой Европы также в отношении Ирака, Ирана, палестино-израильского урегулирования. Она попытается договориться с европейцами о координации политики и на российском направлении.

Что показал юбилейный саммит НАТО?

Афганистан занимает центральное место (в тесной увязке с соседним Пакистаном) в стратегии новой американской администрации, которая провозгласила борьбу с “Аль-Каидой” и другими террористическими структурами региона самой приоритетной задачей в сфере национальной безопасности. Если раньше Пакистан трактовался как передовой рубеж в борьбе с международным терроризмом, то теперь эта страна публично провозглашается Вашингтоном как часть самой проблемы терроризма.

Администрация Б.Обамы призывает союзников к активизации совместных усилий в регионе, чтобы не позволить “Аль-Каиде” и другим террористическим структурам восстановить способность к нанесению ударов по городам США и Европы.

Однако в “афганском вопросе” между США и Европой сохраняются разногласия, пусть они касаются вопросов тактики, а не конечных целей урегулирования в регионе. Идея расширения военного присутствия в Афганистане не пользуется политической и общественной поддержкой в Старом Свете. Большинство европейских государств считает долговременную военную кампанию в Афганистане бесполезной тратой ресурсов в отсутствие

четкой стратегии и реалистичных целей.

3–4 апреля с.г. в германском Келе и французском Страсбурге прошел юбилейный саммит НАТО, приуроченный к 60-летию создания этой организации. В качестве новых членов в Альянс были приняты Албания и Хорватия.

Афганская тема была одной из главных на саммите. Новая американская администрация дала понять, что ожидает наращивания европейских войск в Афганистане по крайней мере на 10 тыс. чел. Однако обязательство европейских членов НАТО по увеличению вклада в международные силы (*ISAF*), которое было дано в Страсбурге, носит скорее символический характер – это касается как численности, так и рамок мандата выделяемых сил, которые носят ограниченный характер.

Сейчас доля США в *ISAF* составляет более половины (54%), а после того, как будет пополнение из Европы, она не только не сократится, а, наоборот, увеличится до 61,5%, поскольку Соединенные Штаты направляют в Афганистан дополнительно 21 тыс. своих военнослужащих: из них 17 тыс. будут противостоять талибам на юге и востоке страны, а 4 тыс. – заниматься обучением Афганской национальной армии.

Вашингтон заручился обязательством европейских союзников направить в Афга-

нистан дополнительные войска общей численностью около 5 тыс. чел.: Великобритания перебросит 900 своих военнослужащих, Германия и Испания – по 600 чел., Франция – от 300 до 400 чел., Италия – 100 чел., остальные страны Альянса (в частности, Польша, Греция, Нидерланды, Хорватия) – еще примерно 2,5 тыс. чел.

Размер вклада Европы по сравнению с общей численностью группировки, действующей в Афганистане, является весьма незначительным. Более того, европейское пополнение сулит американцам “нулевую помощь” в проведении наступательных операций против боевиков-талибов, окопавшихся в соседних с Пакистаном провинциях.

Из европейского пополнения *ISAF* 3 тыс. чел. будут развернуты в Афганистане на кратковременной основе – для охраны избирательных участков и других важных объектов на период подготовки и проведения президентских выборов в этой стране, которые должны пройти 20 августа. К октябрю большинство из них покинет страну.

Еще 1,4–2 тыс. военнослужащих из десяти европейских стран НАТО, разбитые на команды по 20–40 чел., будут заниматься обучением афганских военнослужащих, а остальные 300–500 чел. – подготовкой полицейских сил. В их мандат не входит непосредственное участие в боевых действиях против боевиков-талибов – эту “честь” европейцы предоставляют американцам.

В Страсбурге было принято решение пополнить на 100 млн. долл. фонд финансирования Афганской национальной армии, чтобы увеличить численность военнослужащих этой страны, обучаемых натовскими советниками. Более половины из этой суммы – 57 млн. долл. предоставит Германия.

Начало новой эпохи в трансатлантических отношениях?

Несмотря на “обамаанию”, охватившую Европу после избрания нового президента США, о наступлении “эры абсолютного согласия” в

На юбилейном саммите НАТО состоялось официальное возвращение Франции в интегрированную военную структуру альянса после более чем 40-летнего перерыва.

Этот шаг воспринимается в политических кругах страны неоднозначно, в том числе и в самой правящей партии, несмотря на то, что Париж сохраняет единоличный контроль над своими ядерными силами.

Возвращение в военную организацию НАТО согласовано Францией на определенных условиях, которые предусматривают предоставление ее военачальникам некоторых командных должностей в Альянсе.

Французские генералы возглавят Командование трансформации ОВС НАТО в Норфолке (штат Вирджиния) и региональное командование в Лиссабоне, которому подчинены Силы быстрого реагирования Альянса.

Для работы в штабных структурах Североатлантического блока будет привлечено несколько сот французских офицеров.

Пытаясь переубедить скептиков, президент Н.Саркози преподносит восстановление полноформатного участия страны в объединенных вооруженных силах НАТО как расширение возможностей Парижа оказывать влияние на разработку натовских решений и направлять эволюцию альянса в соответствии с европейскими интересами. Он отвергает утверждение оппонентов, что данный шаг делает политику страны менее самостоятельной и более зависимой от США.

Однако многие во Франции не разделяют его убежденности в этом.

трансатлантических отношениях говорить не приходится.

Как показывают первые внешнеполитические шаги новой администра-

ции, в них присутствует значительно большая доля преемственности, чем многие в Европе ожидали от Б.Обамы. Новый хозяин Белого дома действует исходя из интересов, в первую очередь, США, что наглядно демонстрирует его программа по выводу страны из финансово-экономического кризиса.

О нереалистичности завышенных ожиданий в отношении новой администрации предупреждали некоторые европейские аналитики. Они предсказывали, что Европу постигнет разочарование уже в силу того, что она связывала слишком большие ожидания с избранием Б.Обамы.

Нынешний американский президент возможно и питает больше доверия к многостороннему сотрудничеству, чем его предшественник, но и он не согласится пассивно наблюдать, как девальвируются рычаги влияния США. Однако если Вашингтон будет придерживаться сугубо эгоистического подхода, игнорируя мнение Европы, это неизбежно приведет к новой напряженности в трансатлантических отношениях.

Предыдущая администрация намеренно противопоставляла *“старую Европу”*, которая не признавала претензий США на *“однополярную гегемонию”* и отказывалась принимать модель трансатлантических отношений, основанную на европейском подчинении целям американской политики, и *“новую Европу”*, где восточноевропейские политические элиты делают ставку на сотрудничество с заокеанским союзником. Подобное противопоставление шло вразрез с публичными заявлениями Вашингтона в поддержку *“единой Европы”*.

Новые правила игры в трансатлантических отношениях окончательно не определены.

В начале своего президентства Б.Обама вынужден заниматься, в первую очередь, борьбой с финансово-эконо-

мическим кризисом в стране, а не внешнеполитическими делами. На первом месте для него пока еще стоит задача, как смягчить последствия кризисных явлений.

Согласно опросам общественного мнения, проведенным вскоре после его победы на выборах, подавляющее число американских избирателей (63%) назвали первоочередной задачей президента решение внутренних экономических проблем, и ни одна из других задач не получила поддержки даже 10% опрошенных (борьба с международным терроризмом набрала лишь 9%).

Процесс разработки внешней политики новой администрации не завершился – важные решения еще предстоит принять, как и определить конкретные шаги по их реализации. Тем не менее, некоторые важные постулаты трансатлантических отношений уже сформулированы командой Б.Обамы: США отказываются от одностороннего подхода и возвращаются к активной политике союзов и партнерств, но в ответ союзники должны взять на себя большее бремя по урегулированию международных кризисов и конфликтов. Это касается, в первую очередь, Афганистана, где Соединенные Штаты наращивают группировку своих войск, призывая союзников направить дополнительные силы в регион.

Новая администрация подчеркивает, что Европа является ближайшим союзником США, и что два берега Атлантики связывают исторические, экономические и политические связи, которые не имеют аналогов в отношениях между другими центрами силы.

Изменение американской позиции по широкому кругу проблем: от отношения к международным соглашениям и институтам до вопросов контроля над вооружениями и глобального потепления климата – создает предпосылки для сближения США и Европы.

Этот процесс начался в условиях, когда Европа находится в положении слабой стороны, раздираемая противоречиями по важным проблемам, включая вопрос о путях выхода из финансово-экономического кризиса, которые усугубляют неопытность председательствующей в ЕС Чехии и истекающий срок мандата нынешнего состава Еврокомиссии.

Можно предположить, что в президентство Б.Обамы элементов партнерства станет больше в трансатлантических отношениях, хотя и конкуренция

может усилиться по отдельным вопросам, включая и те, что касаются вовлечения новых игроков (государств) в управление глобальной экономикой.

ЕС полагает, что расширение круга участников принятия решений должно происходить за счет сокращения прерогатив американской стороны, тогда как Вашингтон считает непропорциональным слишком широкое представительство Европы в международных финансово-экономических структурах, которое может быть перераспределено в пользу третьих стран.

Строительство обновленного трансатлантического партнерства в период возросшей нестабильности связано со многими переменными, которые не сводятся к перекройке баланса сил в результате глобального финансово-экономического кризиса.

Хотя этот кризис ускорит относительное снижение доли США в мировой экономике, более ощутимыми для них могут оказаться политические последствия, связанные с потерей доверия к американской модели и репутационным ущербом от вины за экономические потрясения, которые они навлекли на весь мир.

Примечания

¹ *Grunwald M.* The New Agenda // *Time*. Nov. 17. 2008. Vol. 172. No. 20. P. 71.

² *Beinart P.* The New Liberal Order // *Time*. Nov. 24. 2008. Vol. 172. No. 21. P. 30.

³ *Zaborowski M.* Bush's legacy and America's next foreign policy // *Chaillot Paper* 111. September 2008. P. 9.

⁴ *Rice C.* Promoting the National Interest // *Foreign Affairs*. January–February. 2000. Vol. 79. No. 1. P. 47.

⁵ *Nye J.S.* The U.S. can reclaim 'smart power' // *The Los Angeles Times*. January 21. 2009.

⁶ The EU proposes implementing a closer partnership with the United States (Marseilles, November 3, 2008) // http://www.eu2008.fr/PFUE/lang/en/accueil/PFUE-11_2008/PFUE-03.11.2008/reunion_Min_AE.

⁷ Statement of Senator Hillary Rodham Clinton. Nominee for Secretary of State. Senate Foreign Relations Committee. January 13, 2009 // <http://foreign.senate.gov/testimony/2009/ClintonTestimony090113a.pdf>.

⁸ *Brzezinski Z.* Major foreign policy challenges for the next US President // *International Affairs*. January 2009. Vol. 85. No. 1. P. 54.